

Геннадий Булин

Осень

Геннадий Булин

Осень

«Автор»

2026

Булин Г.

Осень / Г. Булин — «Автор», 2026

Параллельные пути обязательно где-нибудь пересекутся. Даже под дождём

© Булин Г., 2026

© Автор, 2026

Геннадий Булин

Осень

ОСЕНЬ

0

Хорошо писателю — сидит да пишет. А я не знаю с чего начать. Текст сейчас покатится в тривиальное: без погружения, смещения ракурса, изысканности... до голого нарратива.

Вот иду по трамвайным путям — смотрю на плиты — швы между ними — изящно-ровные; рельсы уложены изумительно. И пусть пути шире, чем у соседей, но линии всё равно тянутся, нигде не пересекаясь.

1

Трамваев долго не было. Так случается, когда листопад. Обычно шелестят уборщики листьев, но здесь большинство деревьев подобраны, чтобы опадать зимой, когда надеваются шапки и тянется молитва окончанию года.

Свернув с путей и пропустив машину, я переместился на тротуар окраинного проспекта (с названием Центральный). Дома вокруг — милые, пятиэтажные, — одинаково выросли по обе стороны. У здания банка, перед намытыми до изящества окнами, топтался охранник. «На солнце днём жарко. Мокрый стоишь. Искупаться бы», — сказал он хрипловатым голосом. Его рубашка слегка топорщилась на животе. Мы пару минут поговорили о текущем. Я пожелал ему держаться и направился дальше — к пансионату, где остановился неделю назад. Я был здесь впервые, но казалось, люди (во всяком случае, некоторые) — старые знакомые, будто тянутся ниточки: то ли между снов, то ли к чему-то позабытому. *Так бывает, если воздух наполнен влюблённостью. Ни в кого конкретного... Хотя, всегда можно отыскать источник свечения.* Данные мысли явно были не моими. Почему-то периодически приходят чужие мысли. Вот, например, вчера следую я по скверу за двумя щебечущими старшеклассницами, — а на фонаре над дорожкой ворона сидит, хвост свесив. Большая, неприветливая. Хвост тоже — неприветливый. «Сейчас возьмёт да сёрнет нам на головы», — подумалось вдруг. Хотя не могу припомнить, чтоб ворона на меня нагадила. Чужая какая-то мысль. Ворона же просто смотрела вдаль, не обращая на нас внимания. Сразу за фонарным столбом я поравнялся с девочками. «Позавчера на меня упала птица, точнее, то, что падает из птиц...» — говорила одна другой.

2

Корпус пансионата — огромный и лёгкий одновременно — надвигался. Несмотря на некоторое похолодание вода в море позволяла купаться — сезон продолжался.

Мои новые друзья играли в фанты на двадцатом этаже.

— Куда ходил? — тихонько спросила девушка, рядом с которой я присел на диванчик.

— Вспомнил, как по грибы ходил, — не совсем кстати ответил я.

— Далеко?

— В Завьяловский лес.

— Где это?

— На востоке. Кажется, мир там заканчивается...

— Может, прогуляемся? На берегу расскажешь...

— А ты разве не играешь?

— Не. Я недавно из номера...

Побережье с чередой деревьев, холмов, зданий... Вечером огни на берегу превратятся в драгоценную цепочку, которую хочется одеть на чьи-нибудь очертания. Вода пытается уку-
сать кроссовки. Солнце играет импровизацию, волны диссонансом выдают другую мелодию...
Неподалёку реконструировали здание. Когда мы проскочили какофонию стройки, она спро-
сила:

- Ты хотел что-то рассказать?
- Может, по пиву?
- Тогда лучше — сидр.

В прибрежном барчике я заказал два бокала. Мы расположились в тени, недалеко от окна.

— Так что там с грибами?

— О, грибы. Тот, кто сильно позовёт, может провалиться в недлинный их век...

Принесли бокалы. *Вдоль горизонта ползла баржа, белел одинокий её парус...* «Это какая-
то другая история», — подумалось. «Может, на барже никого нет? Может, корабль — просто
часть декорации».

— Так вот, — начал я, — под начало осени мы с товарищем командировались в другой
город. Надо было запустить табло на стадионе. И теперь вижу их футбольное поле. Закрываю
глаза, смотрю тренировку — жёлтые футболки, чёрные трусы. Сходили на одну игру — два
тайма без голов, мяч туда, мяч сюда...

За неделю табло запустить не удалось. В субботу нас позвали по грибы. Ехали полчаса
на микроавтобусе по холмистым местам. Мы с товарищем плюс шесть человек (из них — две
девушки). Грибы тогда попёрли — вмиг насобирали по мешку. У товарища мешок — самый
большой, по пояс. «Это потому, что за ним Алкалоност следит», — сказала одна из девушек.

«Что за Алкалоност? — спрашиваю. — Может, Алконост?»

«Не, Алконост — это совсем другое...» — улыбнулась она.

Свои грибы мы, конечно же, отдали. Куда они нам в отеле? Но здорово было выбраться.
Леса там: мох — синий, стволы деревьев — голубоватые. А уж воздух.. Если выйти к просеке,
кажется, колокол качается на горизонте и звенит мириадами колокольчиков.

Когда с пригорка спустились — под склоном человек спал, головой на запад. Униформа
из серого сукна с накладными карманами. Сапоги и каска — рядом. Две полоски на петли-
цах. Справа на груди — птица хищная крылья распростёрла. Моя попутчица сказала, что ему
теперь снится женщина, облачённая в длинное одеяние, полуобнажённую грудь её прикрывает
звериная шкура, волосы ниспадают на спину. В левой руке — венок из дубовых листьев, а в
правой — меч; около ног сидит лев... или кот огромный. А рядом река с быстрой водой...

Мы вскоре сами у реки оказались. Только река там больше на озеро похожа. Вода — мор-
щинистая, отражает облака и дымку, оттого поверхность — небесно-дымчатая. Места вокруг
— сухие, песчаные. На берегу, где сосны редкие, — два кентавра. На головах — венки из дикой
розы. Стояли, не переговариваясь. А если б и говорили, всё равно не понять. Там цвет всё
решает. Счастье как зелёные холмы, имеет вид половинок часов — следующая из предыдущей
вытекает. В каждой — персональное солнце. И если светит оно — неважно, чем ты занима-
ешься... Например, смотришь на холмы, деревьями поросшие.

Вдали — дом бревенчатый. Единственный в окрестностях. Кто там живёт — не знаю. А
спросить — не спросил. Зато узнал у девушки, как её зовут. «Даце», — ответила она с таким
видом, будто хотела сказать больше. По пути назад мы приятно пообщались. Я помог ей грибы
дотащить до дома. Очень много грибов было.

На следующей неделе экзерсисы вокруг табло продолжились. А во вторник, после работы, вижу — идёт Даче с подругами. Поздоровалась. От подруг отстала. Те только посмеялись на своём наречии. Я ей предложил на рынок зайти. Зашли. По мороженому купили. Она потом идти хотела.

«Значит, сегодня одна с телевизором будешь?»

Она улыбнулась: «У меня вообще-то нет телевизора. А что ты можешь предложить?»

Я ей предложил кентавров посчитать на мониторе. Здорово, когда по монитору кентавры идут. Особенно, с небесным отливом. Смотришь на них — смотришь, и кажется, беседуешь уже о каких-нибудь пустяках. Или молчишь. Я вообще люблю экран рассматривать. Помню, были у меня крылья, сидел, их сложив, видел, как трамвай по городу едет. А я — внутри трамвая — от кольца до конечной. На остановках люди заходили — выходили. А я всё ехал да ехал... Потом изображение растворялось. Я тоже растворялся. А следующий раз опять ехал. Бесчисленное множество раз. Крылья, наверное, всякий раз разные были... Но этого я не помню. Лишь ощущение движения осталось...

3

Я задумался. Взял бокал. Спутница смотрела на баржу. Сидр с добавлением экстракта вишни играл цветом рубина между нашими проекциями в курортном городе. Я хотел сосредоточиться на цвете, но сознание переключало меня то на воспоминания о расположении звёзд на футболке любимого клуба, то на выходящую из гипермаркета девушку. В бокале отражались солнечные лучи и потолочная плитка.

«Созерцательный ты слишком,

всё закатами любишься,

а может, настало время

любования вишнёвым сидром», — тихо сказала она.

Её глаза менялись от серого до зелёного в зависимости от освещения, в них плыли вторая половина дня и запах побережья, такой насыщенный, такой невесомый. Джинсы цвета утреннего неба добавляли романтичности. Захотелось дотронуться до неё сквозь секунды, сквозь ткань, которая стала забирать все мои мысли, отвлекая от продолжения рассказа. Нити повествования казались разорванными. Досадно. Я хотел рассказать про сон, а рассматриваю чужие джинсы, нетронутые рукой человека. Во всяком случае, в этом сезоне. Вот бы мои руки пахли пряными духами и её проекцией на этом вишнёвом полуострове, построенных в чьём-то сознании декорациях. Солнечные зайчики прыгали вдоль барной стойки. *«Комета. Перелесник. Её молния — самая яркая вспышка...»* Невидимая бабочка трепетала под потолком. Мерцание внутри и свет по губам. Я видел дыхание. Считывал химические элементы, из которых оно состоит. Вокруг, кроме бармена, копошившегося за стойкой, никого не было. Я дотронулся до спутницы, сливаясь с вишнёвыми волнами. Только пахло почему-то клубникой с примесью миндаля.

— Так каким был твой сон? — игриво спросила она...

Её волосы впивались в меня до спинного мозга. Моя футболка стала пахнуть росой. Вдруг я понял: в баре играет музыка — обрывистые звуки фортепиано сопровождались вкраплениями флейты (скорее всего, это была бамбуковая флейта). Странно, что я до этого не слышал музыки. Теперь она оказалась на первом плане. Сознание поплыло. Это Аляпка закрывает глаза, не хочет, чтобы я о нём рассказывал. На конец осени у меня есть чёрное пальто. А ещё — проблемы, которые исчезнут, если о них не думать. Я рассказываю историю, где ничего не происходит. Компьютер выключат. Останется только эта музыка. Но дальняя стена бара ещё отражает солнечный свет. По побережью проходят фавн и три нимфы, чтобы исчезнуть за краем окна. За ними появляется толстый живот Пана. Далее следуют несколько кентавров, копытами по воде, копытами по воде... Кажется, на море лежат дома спального района — линии

окон, словно клавиши музыкального шкафа — можно нажать на одну и слушать ноту, присущую только этому окну. Передо мной плоскость сидра качается в бокале. Немного гудит поясница. Совокупность звуков создаёт ощущение, будто едешь в лифте. Вот лифт дважды кляцнул зубами. Спутница что-то говорит мне. Но смысл безнадежно потерян. Тембр слишком хорошо ложится на музыкальные инструменты, чтобы понимать смысл, чтобы осознавать лифт. *Какая невесомая всё же погода. Если пройдем мимо винного магазина, надо купить парочку пляшек. Пусть стоят около бара в номере. Всё равно долго не выстоят. А назад можно на трамвае. Салонные пассажиры проследуют по своим направлениям, все в хорошем настроении, ведь завтра — праздник противостояния цветов. Город наверху блестит вычищенными плитами. Выйдешь на площадь Движения Солнца, походишь по кругу, отбрасывая тень вместе с ненужными мыслями. Круг ещё круг круг ещё круг... Она сидит рядом в небесных джинсах и что-то говорит. Взять бы за руку. Какие интересные руки!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.